Научная статья
УДК 028.02:929
https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-3-10

Репрезентация библиотечного опыта в читательской автобиографии
Representation of Library Experience in a Reader's Autobiography

© ***Кучмуруков Всеволод Всеволодович***
кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов, Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
ул. Терешковой, 1, Улан-Удэ, 670031, Россия
ORCID: 0000-0002-0341-8467
e-mail: bir277@mail.ru

Kuchmurukov Vsevolod Vsevolodovich
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Library and Information Resources, East Siberian State Institute of Culture,
1 Tereshkova St., Ulan-Ude, 670031, Russia
ORCID: 0000-0002-0341-8467
e-mail: bir277@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – на основе автобиографических текстов установить роль библиотеки в читательской биографии: проследить характер ее влияния на практики чтения, эмоциональное отношение к книжной культуре и профессиональное самоопределение респондентов. Тема исследования находится на стыке библиотековедения, социологии чтения и нарративной психологии. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления методологического разрыва между интуитивным признанием эвристичности автобиографических свидетельств и недостаточностью их теоретической и эмпирической проработки. Эмпирическую базу составили 108 эссе обучающихся заочного отделения Восточно-Сибирского государственного института культуры по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность». Все авторы текстов – женщины, средний возраст которых 41,3 года. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии метода читательской автобиографии, а практическая – в формулировании выводов, применимых в библиотечной педагогике, библиотерапии и проектировании читательской среды. Научная новизна заключается в использовании теории жизненных нарративов для анализа библиотечного опыта, а также в эмпирической верификации связей между эмоциональной окраской первого библиотечного опыта и устойчивостью читательских привычек во взрослом возрасте.

Ключевые слова: *читательская автобиография, библиотечный опыт, библиотечная социализация, читательские практики, библиотечная среда, профессиональное самоопределение*

Для цитирования: *Кучмуруков В. В. Репрезентация библиотечного опыта в читательской автобиографии // Труды ГПНТБ СО РАН. 2026. № 3. С. 97–104. https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-3-10*

Abstract. Drawing on autobiographical texts, this article aims to establish the role of the library in shaping individuals' reading biographies: to trace the nature of its influence on reading practices, emotional attitudes toward book culture, and the professional identity formation of respondents. The research topic lies at the intersection of library science, sociology of reading, and narrative psychology. The relevance of the study is determined by the need to bridge the methodological gap between the intuitive recognition of the heuristic potential of autobiographical accounts and the insufficient degree of their theoretical and empirical elaboration. The empirical base comprises 108 autobiographies written by part-time (extramural) students enrolled in the degree program 51.03.06 Library and Information Science at the East Siberian State Institute of Culture. All respondents are women with a mean age of 41.3 years. The theoretical significance of the study lies in advancing the reading autobiography as a research method, while its practical contribution consists in formulating conclusions applicable to library pedagogy, bibliotherapy, and the design of reading environments. The scientific novelty resides in the application of life narrative theory to the analysis of library experience and in the empirical verification of the relationship between the emotional quality of one's first library encounter and the persistence of reading habits in adulthood.

Keywords: *reader's autobiography, library experience, library socialization, reading practices, library environment, professional self-determination*

Citation: *Kuchmurukov V. V. Representation of Library Experience in a Reader's Autobiography // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2026. No. 3. P. 97–104. https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-3-10*

Введение

Сегодня библиотека осмысляется не только как канал доступа к документам, но и как социокультурное пространство, влияющее на формирование читателя, его литературные предпочтения, навигацию в книжной культуре и персональную траекторию чтения. Библиотечный опыт рассматривается не как тождественный читательскому, а как его институционально-пространственный компонент, связанный с посещением библиотеки, взаимодействием с библиотекарем и освоением фонда. Именно в библиотеке читательский опыт получает биографическую глубину: неожиданная встреча с текстом, рекомендация или тематическая выставка составляют личную историю чтения.

Поэтому для анализа реальных механизмов читательского выбора недостаточно учитывать лишь внешние показатели – посещаемость, книговыдачу, жанровые предпочтения. Читательские автобиографии позволяют обратиться к тому, как человек интерпретирует свои встречи с книгами, вписывает их в собственный жизненный маршрут и наделяет частными смыслами.

В. С. Крейденко рассматривал «методы анализа и читательских биографий, и читательских автобиографий» как составляющую биографического метода [1, с. 9]. При этом в современной научной литературе понятие «читательская автобиография» не имеет устоявшегося терминологического статуса и общепринятого определения. В настоящей статье читательская автобиография понимается как разновидность эго-документа, фиксирующего ретроспективное осмысление человеком своего читательского пути. Как отмечает С. В. Козлов, «важной особенностью эго-документов является их способность передавать внутренний мир человека, его социальные и культурные установки, а также личные переживания и воспоминания» [2, с. 21].

В автобиографическом описании библиотека предстает иначе, чем в анкетном опросе; респондент почти не говорит о фонде, зато вспоминает библиотекаря, разговор у кафедры выдачи или впечатление при первом самостоятельном выборе книги. Автобиография фиксирует не усредненные ответы, а личные акценты: эмоциональные оценки, память о значимых встречах, случайные детали. Именно такие фрагменты наглядно показывают, как библиотеки превращаются в факт личной истории читателя.

Поэтому читательскую автобиографию вряд ли корректно считать вспомогательным материалом. Скорее ее следует оценивать как базовый источник для реконструкции внутренней истории чтения. Она содержит то, что обычно выпадает из учета: смыслы, эмоции, механизмы идентификации, процессы формирования идентичности, индивидуальные траектории движения к тексту и от текста.

Читательская автобиография как источник для изучения читательского опыта

В российской практике изучения читателей конца XIX века автобиографические материалы были распространены наряду со статистическим учетом. Н. А. Рубакин в «Этюдах о русской читающей публике» одним из первых применил читательские письма, дневники и автобиографии «для составления характеристик (портретов) читателей» [3, с. 202]. Показателен опыт Тифлисской женской воскресной школы, где «сочинения использовались для изучения учащихся, для выявления их читательских интересов. Новым видом письменных работ явились автобиографии учениц» [3, с. 210].

В публикациях, посвященных методике изучения читателей и библиотечной практики 1920-х гг., А. Н. Ванеев показывает формирование разных методов – статистики, наблюдения, опроса, анализа читательских интересов – однако статус читательской автобиографии в них не акцентируется [4, с. 65–66]. Характеризуя 1930-е гг., он рассматривает ее в рамках биографического метода, цитируя советских библиотековедов З. Ривлина, Е. Стратановскую и Г. Воронова: «читательская автобиография – это воспоминания, составленные самим читателем, отражающие его постепенный рост как читателя» [5, с. 45].

В. С. Крейденко указывает, что в 1930-е гг. такие материалы активно использовались в практике руководства чтением: публиковались читательские автобиографии и портреты, основанные на формулярах, беседах и наблюдениях, а также тексты известных представителей науки, труда, литературы и искусства [6, с. 274]. Рассматривая публикации 1940–1950-х гг., А. Н. Ванеев отмечает, что читательские автобиографии и дневники чтения назывались «новыми методами» лишь условно, поскольку они были известны и применялись еще в 1920-е гг. [7, с. 45], а в аналитической практике второй половины XX в. биографический метод продолжает развиваться, закрепляясь в междисциплинарном поле [8, с. 49].

В этот же период труды О. С. Чубарьяна позволяют расширить анализ до более широкого социального и культурного контекста благодаря изучению комплексных материалов: читательских автобиографий, анкет и опросных листов, индивидуальных читательских карточек, обобщенных справок библиотек и материалов читательских конференций [9, с. 25]. В методических рекомендациях Н. Е. Добрыниной, посвященных изучению чтения, особое внимание уделяется реальным практикам чтения и личностно значимым аспектам читательского опыта [10].

Можно констатировать, что читательская автобиография первоначально осмыслялась в рамках биографического метода как форма самостоятельного описания читателем собственного опыта чтения; затем она отошла на периферию исследовательской практики, а позднее вернулась в библиотековедческий инструментарий как вспомогательный эмпирический источник в комплексном изучении читателя и чтения.

Возросший в конце XX – начале XXI в. междисциплинарный интерес к эго-документам способствовал расширению аналитического потенциала биографического метода. В этот период читательская автобиография как материал для исследований используется сравнительно редко.

Дальнейшее развитие метода связано с понятием читательского автопортрета. Т. Г. Браже, разграничивая читательскую автобиографию и автопортрет, фактически показывает переход от последовательного описания читательского пути к более рефлексивной форме самоосмысления [11]. Г. А. Шаньгинова отмечает, что читательская автобиография может выступать не только способом фиксации индивидуального читательского опыта, но и средством рефлексии, выявления влияния семьи, образовательной среды и значимых книг на формирование читательских интересов [12].

Ряд современных работ предлагает другие способы реконструкции читательского опыта, в том числе за счет сочетания различных исследовательских подходов, ориентированных на анализ биографических материалов, эго-документов и продуктов творчества. Так, О. В. Морева, реконструируя детское чтение П. П. Бажова, констатирует высокую эвристическую продуктивность читательской биографии и эго-документальных свидетельств [13]; А. И. Веселов в своих работах доказывает продуктивность глубинного интервью при дефиците документальных источников [14]. Интересна работа Н. А. Борисенко, посвященная ранней читательской биографии А. С. Пушкина: автор сочетает ретроспективный и историко-биографический метод и анализ продуктов творчества [15].

Особого внимания заслуживает трехтомное издание Reading Russia. A history of Reading in Modern Russia под редакцией Дамиано Ребеккини и Раффаэллы Вассены [16], расширяющее методологическую перспективу истории чтения. Для настоящего исследования интерес представляет обращение авторов к дневникам, письмам, мемуарам, читательским откликам, библиотечным данным, анкетам и интервью как источникам реконструкции индивидуальных и коллективных практик чтения.

Теоретико-методологические основания исследования

В рамках этого исследования библиотека рассматривается как значимый компонент читательского опыта, который фиксируется в читательской автобиографии – индивидуальной истории взаимоотношений личности с книгой, текстом и практиками чтения. Сам опыт, то есть читательская биография, при этом трактуется как целостная, подвижная структура, формирующаяся под влиянием семьи, школы, круга общения, культурной среды и библиотечных практик.

При этом исследование основано на принципе осторожной интерпретации выявленных зависимостей. Связи между ранним библиотечным опытом, эмоциональной оценкой библиотеки, семейным сопровождением чтения и устойчивостью читательских практик не трактуются как причинно-следственные. Правильнее считать их факторами длительного действия, проявляющимися в структуре читательской биографии и влияющими на дальнейшее отношение к книге, чтению и библиотеке.

Цель статьи – на основе автобиографических текстов установить роль библиотеки в читательской биографии. Для этого решаются следующие задачи:

- установить, какие типы библиотек наиболее часто упоминаются в читательской автобиографии респондентов;
- проследить возрастную динамику библиотечного опыта;
- выявить эмоциональные характеристики восприятия библиотеки;
- определить роль библиотекаря в формировании читательского выбора;
- проанализировать связь библиотечного опыта с устойчивостью читательских привычек и профессиональным самоопределением респондентов.

Материал и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили 108 читательских автобиографий (в форме эссе) студентов 4-го курса заочного отделения направления 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» Восточно-Сибирского государственного института культуры, собранных в период 2021–2026 гг. во время практических занятий по курсу «Социология и психология чтения».

Респондентам предлагался тематический план автобиографического описания, включавший 16 вопросов-ориентиров. Они задавали общий круг тем, связанных с читательской биографией, однако не регламентировали форму, объем и последовательность изложения. Такой формат позволял, с одной стороны, обеспечить

сопоставимость полученных материалов, а с другой – сохранить индивидуальную логику воспоминаний, описания и интерпретации читательского опыта.

Эта методическая рамка была использована и на этапе последующего тематического кодирования. Первичными аналитическими категориями стали основные темы плана автобиографии: ранний читательский опыт, семейная книжная среда, домашняя библиотека, посещение библиотек, влияние родителей и библиотекарей, эмоциональная тональность воспоминаний, а также связь чтения с профессиональным самоопределением.

Вместе с тем анализ не ограничивался заданными категориями. Особое внимание уделялось тем сюжетам и смысловым акцентам, которые возникали в текстах спонтанно, вне прямой связи с предложенными вопросами. Эссе рассматривались как индивидуальные автобиографические нарративы, отражающие субъективную логику читательского становления.

В автобиографиях зафиксированы воспоминания о первых книгах, семейном чтении, домашней библиотеке, посещении библиотек разных типов, смене читательских интересов, воздействии на чтение родителей, педагогов и библиотекарей. Ценность собранного материала состоит в сочетании фактических сведений и эмоционально окрашенных высказываний, что дает возможность выявить отношение респондентов к библиотеке. Однако выборка ограничена: все авторы – женщины, средний возраст которых 41,3 года, кроме того, они все так или иначе связаны с библиотечной профессией. Полученные результаты нельзя распространить на все возрастные и гендерные группы читательской аудитории.

Основным методом исследования выступил качественный тематический анализ читательских автобиографий. С его помощью были выделены устойчивые смысловые категории библиотечного опыта: тип библиотеки, возраст первого обращения, наличие домашней книжной среды, участие родителей, характер взаимодействия с библиотекарем, эмоциональная тональность воспоминаний, устойчивость читательских привычек и связь библиотечного опыта с профессиональным самоопределением. Элементы нарративного анализа были использованы для выявления того, как библиотека включается в индивидуальный рассказ о читательском становлении – как пространство первого выбора книги, семейной или школьной социализации, эмоционально значимого воспоминания и профессионального самоопределения. Дополнительно применялись количественные показатели для фиксации частотности выявленных тематических признаков.

Библиотека в читательской автобиографии: основные эмпирические характеристики

Полученные данные позволяют утверждать, что библиотека прочно занимает значимое место в читательской автобиографии. Почти во всех текстах она входит в число опорных элементов жизненного пути читателя, а доля автобиографий, где зафиксированы упоминания о библиотеке, достигает 98 %. Результаты свидетельствуют о том, что библиотечный опыт играет ключевую роль в формирования читателя. Даже в тех немногочисленных фрагментах, где библиотека прямо не обозначена, ее присутствие все равно распознается – через эпизоды поиска книг, передачи литературы, описание ограниченного доступа к чтению. Порой библиотека проявляется не названием, а конкретной деталью: отметкой в формуляре, ожиданием требуемого издания.

Наиболее часто в читательских автобиографиях фиксируется школьная библиотека (87 %). Такой показатель предсказуем, поскольку именно школьная библиотека для многих становилась первой институциональной формой стабильного доступа к книге.

Следующая по частоте упоминаний – домашняя библиотека (82 %). За этим числом, по-видимому, скрывается не просто наличие изданий в доме, а устойчивая семейная книжная среда. В автобиографических материалах домашняя библиотека представлена не как механическое собрание томов, а как особое пространство памяти, почти всегда наполненное конкретными чувственными признаками: запахом старой бумаги, плотно заставленными полками, привычным порядком книг, самой сценой семейного чтения.

Достаточно часто упоминается сельская библиотека (71 %). Можно сделать вывод, что для многих респондентов такое учреждение нередко становилось главным, а иногда и единственным институциональным каналом доступа к литературе. В воспоминаниях о периодах книжного дефицита, когда культурные центры находились далеко, а семейное собрание было невелико, сельская библиотека воспринималась без излишней торжественности – как место, где берут книги, знают библиотекаря по имени и впервые сталкиваются с рекомендацией не по программе.

Детская библиотека присутствует в 64 % автобиографических текстов; этого достаточно, чтобы рассматривать ее как значимый специализированный институт развития детского чтения, прежде всего в городской среде.

Городская библиотека, библиотеки учебных заведений и профессиональные библиотеки возникают в воспоминаниях значительно реже.

Вероятно, причина не только в их фактической роли, но и во внутренней логике автобиографического припоминания: ранние этапы читательской автобиографии сохраняются подробнее, с множеством частных деталей, тогда как более поздние библиотечные маршруты часто сокращаются до краткого упоминания.

Возрастные периоды первого упоминания библиотеки:
- дошкольный возраст (0–6 лет) – 18 %;
- младший школьный возраст (7–10 лет) – 56 %;
- подростковый возраст (11–14 лет) – 22 %;
- старший школьный возраст (15–17 лет) – 4 %.

Данные возрастной динамики показывают, что библиотечный опыт чаще всего начинается в младшем школьном возрасте: именно на этом этапе фиксируются 56 % первых устойчивых обращений к библиотеке. Это не случайный показатель, как правило, за ним стоит вполне конкретная ситуация – первый самостоятельный подбор книги для внеклассного чтения, запись в школьную или детскую библиотеку, опыт выбора не того, что выдали, а того, что захотелось взять самому.

Для 18 % респондентов начало библиотечного опыта связано еще с дошкольным возрастом; как правило, здесь заметно семейное сопровождение, раннее приобщение к книге, совместные походы в библиотеку с родителями или старшими родственниками.

В подростковый период библиотека впервые приобретает значимость для 22 % опрошенных. Однако этот этап чаще связан не с началом опыта, а с его внутренней перестройкой: расширяется круг чтения, совершается переход от детской к более сложной литературе, нередко меняется сама библиотека, возрастает мера читательской самостоятельности.

Наконец, лишь 4 % начинают активно пользоваться библиотекой в старшем школьном возрасте. Низкий показатель заставляет обратиться к очевидному, но не до конца осмысленному обстоятельству: библиотечная привычка формируется рано, а затем либо поддерживается, либо постепенно утрачивает интенсивность.

Показательным критерием анализа становится эмоциональная окраска библиотечного опыта: позитивный характер имеют 79 % упоминаний библиотеки, нейтральный – 18 %, негативный – 3 %. Уже само это соотношение многое проясняет: в читательской памяти библиотека чаще связывается с культурным открытием, эмоциональным комфортом, внутренней защищенностью и личным интеллектуальным ростом. В автобиографических текстах она нередко предстает как особое, почти сакрализованное пространство тишины, уюта, познания, индивидуальной свободы.

Иногда это выражается в совсем частных деталях: ощущении прохлады в читальном зале, разрешении задержаться у полки, хотя формально библиотека уже закрывается. Подобные мелочи не всегда входят в стандартные социологические схемы, но именно они прочно удерживаются памятью. Негативные оценки, напротив, в большинстве случаев относятся не к институту библиотеки как таковому, а к локальным ограничениям: скудости фонда, неудачному обслуживанию, неудобному режиму работы, отдельным эпизодам общения.

Библиотекарь в читательской автобиографии выступает не просто организатором доступа к книге, а становится значимым участником читательской социализации. Конкретных библиотекарей упоминают 67 % респондентов, влияние библиотекаря на читательский выбор отмечают 54 %, а положительная оценка его деятельности зафиксирована в 91 % соответствующих фрагментов. Библиотекарь запоминается как фигура, персонифицирующая институт библиотеки. Поэтому его роль нельзя свести к коммуникативной атмосфере или общей доброжелательности. Влияние здесь глубже и проявляется в мелочах: читатель не помнит фонд, не воспроизводит систему расстановки, но помнит библиотекаря – по голосу, по манере советовать, по одной точно найденной книге. Именно здесь читательская автобиография и институциональная практика сходятся почти вплотную.

Связь библиотечного опыта и читательского становления

Важный этап настоящего исследования касается выявления статистических взаимосвязей между параметрами библиотечного опыта и особенностями читательского становления. Итак, наличие домашней библиотеки отчетливо соотносится с более ранним пробуждением интереса к чтению: среди респондентов, выросших в семьях с домашней библиотекой, интерес к чтению до семилетнего возраста зафиксирован в 84 % случаев, тогда как при отсутствии домашней библиотеки этот показатель составляет 47 %.

Домашняя книжная среда – один из факторов раннего приобщения ребенка к культуре чтения. Она действует преимущественно через семейные практики обращения с книгой, тогда как библиотека задает институциональную форму доступа и ее влияние складывается из повседневных нюансов семейного чтения, порой почти незаметных в формализованной анкете, но хорошо различимых в автобиографических текстах.

Прослеживается связь между интенсивностью библиотечного опыта в детстве и последующим профессиональным выбором. Среди респондентов, активно посещавших библиотеку в детстве,

осознанный выбор профессии библиотекаря зафиксирован в 89 % случаев; при эпизодическом посещении – в 62 %; при минимальном – в 34 %.

Читательская автобиография помогает отследить связь между типом первой библиотеки и тем, как затем складываются читательские предпочтения. Когда первой в биографии становится детская библиотека, читательский маршрут обычно открывают сказки, детская классика, книги с сильным иллюстративным рядом. У школьной библиотеки иной профиль воздействия: здесь заметнее тяготение к программной литературе, классике, энциклопедическим изданиям. Сельская библиотека чаще задает более подвижный, но не вполне выделенный круг чтения: в него сравнительно рано попадают тексты, рассчитанные на взрослых. Домашняя библиотека поддерживает уже не столько институциональную, сколько семейно транслируемую читательскую традицию: в ней устойчиво доминируют классические произведения и книги, значимые сразу для нескольких поколений.

Выраженная связь выстраивается между эмоциональной тональностью первого библиотечного опыта и устойчивостью читательских привычек во взрослом возрасте. Если ранние впечатления от библиотеки были ярко позитивными, устойчивые читательские привычки сохраняются у 93 % респондентов; при умеренно позитивном опыте – у 71 %; при нейтральном – у 48 %; при негативном – лишь у 12 %.

В читательской практике это ощущается на уровне деталей: взрослый читатель может не помнить ни шифра хранения, ни фамилии библиотекаря, но хорошо удерживает в памяти саму атмосферу первого посещения – тесноту абонемента, разрешение взять книгу «не по возрасту», интонацию библиотекаря. Эмоциональный компонент библиотечного опыта, таким образом, едва ли корректно трактовать как периферийный; именно он во многих случаях связан с тем, станет ли чтение долговременной личностной практикой или останется эпизодом, не получившим продолжения.

Влияние родительского участия в библиотечном опыте на самостоятельность посещения библиотеки в подростковом возрасте (% респондентов, самостоятельно посещавших библиотеку):

- родители посещали библиотеку вместе с ребенком – 78 %;
- родители отводили ребенка в библиотеку – 65 %;
- ребенок самостоятельно начал посещать библиотеку – 91 %;
- родители не участвовали в библиотечном опыте – 43 %.

Анализ полученных данных показывает, что характер участия родителей в приобщении ребенка к библиотеке соотносится с последующей самостоятельностью библиотечных посещений в подростковом возрасте. Самый высокий показатель самостоятельного посещения библиотеки в 91 % зафиксирован у тех респондентов, которые с самого начала ходили туда без сопровождения взрослых. На первый взгляд это может показаться парадоксальным. Тем не менее и практика совместных визитов с родителями дает весьма высокий результат – 78 %, что, вероятно, указывает не столько на форму присутствия взрослого, сколько на сам факт включенности семьи в библиотечную повседневность ребенка.

Заключение

В читательской автобиографии библиотека предстает не только как место первого знакомства с книгой и чтением, но и как значимое пространство личностного и профессионального самоопределения. Ее образ раскрывается через совокупность персонально значимых свойств: библиотека выступает как информационный ресурс, культурно-коммуникативная среда, институт социализации и пространство индивидуального читательского опыта.

Выявленные зависимости свидетельствуют о связи библиотечного опыта с ранним интересом к чтению, устойчивостью читательских привычек и профессиональным выбором. Механический перевод этих связей в плоскость прямой причинности методологически неверен, скорее, речь должна идти об обнаружении факторов средней силы, но длительного действия.

Эмпирический материал показал, что библиотечный опыт наиболее действенен тогда, когда он возникает рано, переживается положительно, не обрывается сразу после первого контакта, а подкрепляется семейной либо школьной средой. Ключевые факторы влияния: домашняя библиотека, школьная библиотека, фигура библиотекаря. Последний воспринимается не как абстрактный специалист, а запоминается по мельчайшим эпизодам повседневного посредничества, в которых книга выдается с комментарием или предлагается «не по возрастной полке», но точно соответствует внутреннему запросу. Эти детали редко фиксируются формализованными отчетами, но в памяти удерживаются дольше прочего.

Ретроспективное описание первых посещений библиотеки, встреч с библиотекарем, самостоятельного выбора книг и эмоционально насыщенных эпизодов чтения позволяет связать ранний читательский опыт с последующим профессиональным самоопределением. При этом анализируемые в статье автобиографии отражают опыт лишь конкретной группы – женщин, средний возраст которых 41,3 года, уже сделавших профессиональный выбор в пользу библиотечно-

информационной деятельности. Поэтому эти тексты следует рассматривать прежде всего как ретроспективное осмысление читательского опыта в контексте формирующейся или уже сложившейся профессиональной идентичности.

Важно учитывать и саму ситуацию создания читательских автобиографий: эссе писались в рамках учебной дисциплины, то есть являлись не только исследовательским материалом, но и частью образовательной практики. В этом отношении автобиографическое письмо выполняло двойную функцию: фиксировало индивидуальный опыт чтения и одновременно включало студентов в процесс профессиональной рефлексии. Тем самым сами эссе могут рассматриваться как элемент профессиональной социализации будущих или уже практикующих специалистов библиотечно-информационной сферы.

Дальнейшее развитие темы связано со сравнительным исследованием с контрольной группой студентов негуманитарных и небиблиотечных специальностей. Такой подход позволил бы точнее определить, в какой мере выявленные связи обусловлены именно библиотечным опытом как элементом читательской биографии, а в какой – спецификой профессионального выбора и образовательной траектории респондентов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. *Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.*

Список литературы

1. Крейденко В. С. Выдающиеся библиотековеды, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? // Библиосфера. 2011. № 2. С. 3–10.

2. Козлов С. В. Эго-документы как ресурс для формирования региональной идентичности // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 4. С. 19–26. DOI: https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-19-26

3. Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). Москва : Книга, 1969. 261 с.

4. Ванеев А. Н. Методика изучения читателей и библиотечной практики (обзор публикаций 20-х гг. XX в.) // Библиосфера. 2007. № 1. С. 63–67.

5. Ванеев А. Н. Методика изучения читателей и библиотечной практики (обзор публикаций 30-х гг. XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. С. 43–46.

6. Крейденко В. С. Библиотечные исследования : учеб.-метод. пособие. Москва : Рус. шк. библ. ассоциация, 2007. 351 с.

7. Ванеев А. Н. Методика изучения читателей и библиотечной практики (обзор публикаций 40–50-х гг. XX в.) // Библиосфера. 2006. № 3. С. 43–46.

8. Ванеев А. Н. Разработка методологических и методических проблем библиотековедения (обзор публикаций второй половины XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. С. 47–52.

9. Чубарьян О. С. Человек и книга: социальные проблемы чтения. Москва : Наука, 1978. 112 с.

10. Русская художественная литература в чтении многонационального советского читателя (программа комплексного исследования и основная документация) : метод. рекомендации / сост. Н. Е. Добрынина. Москва : Гос. б-ка СССР, 1979. 52 с.

11. Браже Т. Г. Чтение взрослых как фактор влияния на развитие личности. Санкт-Петербург : СПб АППО, 2010. 114 с.

12. Шаньгинова Г. А. Преподавание библиотековедческих дисциплин студентам с ограниченными возможностями здоровья (на примере ВСГИК) // Опыт, проблемы и пути совершенствования качества подготовки специалистов в сфере культуры и искусства : материалы XIX Всерос. науч.-метод. конф. (Улан-Удэ, 26 февр. – 4 марта 2020 г.). Улан-Удэ, 2020. С. 110–117.

13. Морева О. В. Детское чтение Павла Бажова: реконструкция читательской биографии // Библиотековедение. 2022. Т. 71, № 6. С. 537–548. DOI: https://doi.org/10.25281/0869-608X-2022-71-6-537-548

14. Веселов А. И. Читательская биография Михаила Щукина // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 1. С. 69–74. DOI: https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-8

15. Борисенко Н. А. Опыт психологического исследования ранней читательской биографии А. С. Пушкина // Национальный психологический журнал. 2025. Т. 20, № 1. С. 29–36.

16. Reading Russia. A history of reading in modern Russia. In 3 vol. / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano : Ledizioni, 2020.

References

1. Kreidenko VS (2011) Outstanding library scientists, bibliographers and bibliologists as an object of research. Why not? *Bibliosfera* 2: 3–10. (In Russ.).

2. Kozlov SV (2024) Ego-documents as a resource for the formation of regional identity. *Trudy GPNTB SO RAN* 4: 19–26. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-19-26

3. Bank BV (1969) The study of readers in Russia (19th century). Moscow: Kniga. (In Russ.).

4. Vaneev AN (2007) Methodology for studying readers and library practice (review of publications of the 1920s). *Bibliosfera* 1: 63–67. (In Russ.).

5. Vaneev AN (2007) Methodology for studying readers and library practice (review of publications of the 1930s). *Bibliosfera* 3: 43–46. (In Russ.).

6. Kreidenko VS (2007) Library research: study guide. Moscow: Rus. shk. bibl. assotsiatsiya. (In Russ.).

7. Vaneev AN (2006) Methodology for studying readers and library practice (review of publications of the 1940s–1950s). *Bibliosfera* 3: 43–46. (In Russ.).

8. Vaneev AN (2007) Development of methodological and procedural problems of library science (review of publications of the second half of the 20th century). *Bibliosfera* 3: 47–52. (In Russ.).

9. Chubar'yan OS (1978) The man and the book: social problems of reading. Moscow: Nauka. (In Russ.).

10. Dobrynina NE (comp.) (1979) Russian fiction in the reading of a multinational Soviet reader (a comprehensive research programme and basic documentation): methodol. recommendations. Moscow: Gos. b-ka SSSR. (In Russ.).

11. Brazhe TG (2010) Adult reading as a factor influencing personality development. Saint Petersburg: SPb APPO. (In Russ.).

12. Shan'ginova GA (2020) Teaching library science disciplines to students with disabilities (the case of the East Siberian State Institute of Culture). *Opyt, problemy i puti sovershenstvovaniya kachestva podgotovki spetsia-listov v sfere kul'tury i iskusstva: materialy XIX Vseros. nauch.-metod. konf. (Ulan-Ude, 26 fevr. – 4 marta 2020 g.)*. Ulan-Ude, pp. 110–117. (In Russ.).

13. Moreva OV (2022) Pavel Bazhov's childhood reading: reconstruction of a reader biography. *Bibliotekovedenie* 71 (6): 537–548. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25281/0869-608X-2022-71-6-537-548

14. Veselov AI (2024) Reader's biography of Mikhail Shchukin. *Kniga. Chtenie. Mediasreda* 2 (1): 69–74. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-8

15. Borisenko NA (2025) The experience of psychological research of the early reader's biography of A. S. Pushkin. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* 20 (1): 29–36. (In Russ.).

16. Rebecchini D and Vassena R (eds) (2020) Reading Russia. A history of reading in modern Russia. In 3 vol. Milano: Ledizioni.

Статья поступила в редакцию / Received 24.04.2026
Получена после доработки / Revised 20.07.2026
Принята для публикации / Accepted 14.09.2026